

ВТОРОМ, КТО касается искусства художника-графика, различия стилей и направлений творчества, Андрей Дмитриевич Гончаров проявляет редкую терпимость. Он благожелателен ко всему, что создается в этой области яркого, талантливого, оригинального. Один из крупнейших художников-книжников, известный иллюстратор Гете и Шекспира, Островского и Тургенева, Есенина и Блока, он не навязывает собеседнику своей концепции, в которую одно явление искусства, один почерк ложатся, а другие нет. Зато в отношении графики вообще, ее роли и значения в жизни у него «железная» позиция. Недаром же, выступая как-то перед телезрителями, он очень твердо определил этот вид искусства как «служанку жизни». Или это была всего лишь заостренная метафора?

— Нет, — говорит художник, — о «служанке жизни» было сказано не для красивого словца. Меня всегда удивляло, как мало в общем-то внимания уделяется широкому полю деятельности графики в целом. Вот и книга, любая книга, которую мы берем в руки, от обложки до шрифта, до последних «выходных» данных сделана художником.

— И ваша личная работа как «книжника» отмечена на Международной выставке книги в Лейпциге высшей наградой — премией Гутенберга. Вероятно, есть свой глубокий смысл в том, что премия имени первопечатника присуждена художнику книги?

— Суть дела, видимо, в том, что современная полиграфия при всех ее технических достижениях все больше становится искусством. Очень трудно сказать, где здесь кончается техника, ремесло и начинается творчество.

Премией Гутенберга горжусь как признанием высоких заслуг советской графики в деле развития одной из самых благородных областей человеческой культуры. В нынешний Международный год книги мир как бы подводит итоги своей книгоиздательской деятельности. И радостно сознавать, что советская книжная графика вступила в этот год с немалыми достижениями. Тому свидетельство множество золотых и серебряных медалей на отечественных и международных выставках. В этом убеждают также значительность, серьезность проблем, которые ставят перед собой художники — оформители и иллюстраторы книг.

— Каковы же сегодня особенности нашего искусства оформления книги, искусства иллюстрации?

— Характеризовать все особенности не берусь, но отметил бы две тенденции. Одна из них — точное следование тому, что отражено в книге писателем. Она определена необходимостью ввести читателя в дух, строй эпохи. Это нелегкая задача, особенно когда, проиллюстрировав Пушкина или Стендаля, завтра получаешь заказ на гравюры к Хемингуэю. А чаще всего именно так и бывает. Художник, как и актер, должен обладать искусством перевоплощения и, подобно актеру, должен вживаться всякий раз в новую жизнь, обстоятельства, образы. При огромном размахе книгопечатания в нашей стране такое положение естественно. Но все-таки возможно и другое — чтобы у каждого художника было свое амплуа: у одного склонность к эпическим или драматическим решениям, другой — лирик, романтик. Чтобы больше выявились индивидуальные качества, те, по которым мы сейчас узнаем рисунки Билибина, Кардовского или Фаворского. Такое распределение

ра, и в этом плане мне понятны поиски наших молодых художников. Они не хотят и не могут ограничиться только тем, что уже найдено, установилось в искусстве. Замечу, что эта вторая тенденция особенно отчетливо проявила себя в новых иллюстрациях к Достоевскому. Разумеется, Достоевский открывает путь и для прямой трактовки текста художником. Иллюстрации такого плана у нас есть, и они вошли в классику со-

кладывается в долгие ящики.

— Может быть, здесь замалчивание из-за чувства пietetа перед художником-творцом? У нас ведь вообще разговор на равных редко получается между критиком и художником...

Вы упомянули ряд иллюстраций к художественной литературе — по ним преимущественно измеряются успехи книжной графики. Однако время вносит свои коррективы в издательскую работу, все более массовой становится научная, научно-популярная литература, все больше требуется книг по экономике, по естественным наукам. Меняются ли в связи с этим задачи художника книги? Или в свете permanently возникающей дискуссии «Нужна ли книге иллюстрация» художник в такого рода изданиях вообще не очень нужен?

— Только слепой может не видеть все растущей роли изображения во всех видах печатной продукции. Вот показательный пример: на последней Международной выставке книги в Лейпциге серебряная медаль присуждена атласу «Анатомия кровеносных сосудов сердца», выпущенному нашим издательством «Медицина». На конкурсе «Красивейшие книги мира» атлас «Грудная хирургия» того же издательства был также отмечен премией. Роль художника в таких случаях не только в том, чтобы сделать книгу красивой. Она сложнее, значительнее, глубже. Усиливается познавательная роль изображения. Сухой язык науки, язык положений, выводов, цифр художник должен обогатить образом, цветом, должен наглядно раскрыть материал и тем самым ускорить процесс его усвоения. Конечно, тут другая задача, нежели в художественной литературе, и не следует их путать, и все-таки это задача художника. Когда Дюрер рисовал свою знаменитую «Пушку», он ведь, по существу, наглядное пособие делал по новой военной технике.

Представив Андрея Дмитриевича в начале беседы только как художника книги, я погрешила против правды. Я должна была бы рассказать о выставках его живописных полотен («Для меня живопись — это необходимое и в книжной работе изучение природы», — замечает художник об оформленных им «Платоне Кречете» во МХАТе, «Короле Лире», «Норе» в Театре им. Моссовета и многих других спектаклях; наконец, о монументальных росписях на ВДНХ, в зале Международного почтамта или панно «Золотая Москва», в создании которых он участвовал. Но для него все-таки прежде всего всегда была книга. Можно сказать, что творческая биография художника, если вспомнить первые его, еще 20-х годов, иллюстрации к есенинскому «Пугачеву» и увидеть в каталоге среди масштабных работ перечень выполненных в разные годы для разных издательств буквы, заставки, шмуштиталы и другие многочисленные и таинственные названия атрибутов книги, — это одновременно и биография советской книги.

— Скажите, не считаете ли вы,

Андрей Дмитриевич, как художник и педагог, уже многие годы готовящий кадры художников-полиграфистов, что увлечение создателей книги, заметное в последние годы, самой формой, обликом книги, книгой как «вещью», опасно, что оно идет во вред раскрытию ее содержания? Не умалится ли при этом роль иллюстратора как идейно-художественного толкователя литературного произведения?

— Не вижу, чтобы иллюстратор был отодвинут на второй план. Но даже если некоторый крен в «делание» книги существует, то признать такое положение опасно, значило бы сдать позиции в том, что уже достигнуто в создании книги как целостного художественного организма. Не стоит забывать, что успехи советской книги в этом отношении велики.

— Часто говорят о разделении изданий на массовые и на особо художественно оформленные, те, что принято было раньше называть «подарочными». Целесообразно ли такое разделение, не становится ли при этом массовая книга «золушкой»?

— Такое, к сожалению, происходит подчас на практике. Но в принципе все направление работы над обликом советской книги идет по другому пути, где не должно быть места делению на книгу элитарную и массовую. Разумеется, сохраняется при этом книга экспериментальная, библиофильская.

Уровень технического исполнения книги у нас в последние годы повысился. Во многих звеньях своего создания книга стала осмысленнее, целесообразнее. Прекрасные книги дали издательства «Искусство», «Аврора», «Просвещение», мнское издательство «Беларусь», хорошо делает политическую книгу восточное издательство «Эзти Раамат». Круг интересных художников сплотился вокруг издательства «Кыргызстан». Оттачивается конструкция книги в издательстве «Прогресс». В этом процессе чрезвычайно важно, на мой взгляд, обратить особое внимание на функциональное разделение видов изданий — книга для чтения, справочная, научная, учебная и т. д. И, конечно, много еще предстоит поработать над обликом массовых изданий. Едва ли не единственным положительным примером здесь является БВЛ — «Библиотека всемирной литературы», выпускаемая издательством «Художественная литература».

Для художника очень важно иметь отчетливое представление о задаче каждой данной книги. Тут тоже действует своя система Станиславского, его вопросы «что?», «зачем?», «как?». Я бы добавил еще и «кому?». С этих позиций надо подходить к отдельным видам книги — от детской до научной. Тогда оформление не будет подменяться оформительством, что еще нередко случается, художественная иллюстрация — иллюстративностью.

Вообще задаваясь вопросами «зачем?» и «кому?» всегда необходимо в искусстве, тем более в таком демократическом, общенародном, как искусство книги.

Беседу вела О. НИКУЛИНА.

сил способствовало бы расцвету дарований, раскрыло большой простор развитию нашей иллюстрации в целом.

Забыв об этом принципе, издательства делают упущение, и многие интересные творческие индивидуальности художников среднего и старшего поколений остаются не до конца раскрытыми. Будь моя воля, я бы чаще вносил в планы издания отдельные книги именно ради художника. И оповестил бы в каталогах, что выйдет, к примеру, «Тихий Дон» с рисунками, которые сделает Е. Кириков или Д. Бисти. Уверен, и издательства, и «Союзпечать» на этом не прогадают, а художник будет работать с особым чувством любви к делу.

— Тем более что именно благодаря труду художника книгу стали больше беречь и как-то целенаправленнее любить: увеличилась ее эстетическая ценность, уникальнее, дороже стало драгоценно обрамленное слово писателя. У нас появилась в последние годы даже особая категория библиофилов, собирателей (и не одиночек, а как массовое явление), дорожащих не просто книгой, но и ее обликом.

Но что же представляет собой вторая тенденция?

— Я бы назвал этот второй тип графики интеллектуальной. Художник хочет передать в рисунках весь подтекст, духовный строй мыслей писателя. Как изобразить тютчевское «и в полном блеске проявлений вдруг нас охватит мир дневной»... Или у Маяковского: «А вы ноютки сыграть могли бы на флейте водосточных труб?». Тут нужна метафо-

ветского искусства. Но писатель многосложен, каждое новое поколение художников ищет свои пути проникновения в мир созданных им образов.

Назову среди наиболее интересных работ иллюстраций Н. Попова к «Неточке Незвановой». Офорты Ю. Перевезенцева — это своеобразные поэтические ассоциации с «Белыми ночами». Художник В. Пивоваров глубоко раскрывает общее настроение повести в листах к «Сну смешного человека».

Случается, правда, что художник выдает путаное за сложное. Вот недавно в серии «Литературные памятники» вышел том — «Преступление и наказание» Достоевского с иллюстрациями Э. Неизвестного. Книга даже нашумела по-своему. Как же — необычно, непонятно, удивительно. А мне кажется, Неизвестный дал не то, что у писателя, а то, что он заведомо захотел увидеть в нем сам. Могут сказать: «Своя пластическая интерпретация». Однако любая пластическая система, какой бы новой она ни была, неизбежно опирается и подчиняется закономерностям, выработанным веками существования искусства или, точнее, лежащим в основе искусства. В иллюстрациях Неизвестного, к сожалению, — только хаос, случайное нагромождение линий, ничто не подчинено тем общечеловеческим ритмам, которые способны удовлетворить искусство. Просто-напросто ясности мысли, в том числе и художественно-пластической, недостает художнику. Жаль, что такого рода работы не рассматриваются критикой конкретно, их анализ чаще от-

Сов. культ. и спорт, 1972, 2 ноября